

хочу перейти.

Франциск

Остановись на минуту, прошу тебя, иначе, подавленный многочисленностью твоих обвинений, я не смогу оправиться, чтобы дать ответ.

Августин

Говори, я охотно подожду.

Франциск

Не в малое удивление ты поверг меня, поставив мне в упрек многое такое, что, я уверен, никогда не проникало в мой дух. Я ли, по-твоему, полагался на свое дарование? Но поистине единственный признак моего дарования – тот, что я несколько не доверял ему. Я ли кичусь книжной начитанностью, давшей мне так мало знаний и так много забот? Можно ли сказать, что я домогался ораторской славы, когда, как ты сам упомянул, именно недостаточность слова для выражения моих мыслей возбуждает во мне сильнейшую досаду? Или ты задался целью испытать меня? Потому что ты знаешь, что я всегда сознавал свое ничтожество, и если подчас ставил себя во что-нибудь, то это случалось лишь тогда, когда я видел невежество других, ибо, как я часто говорю, мы дошли до такого положения, что, по известному выражению Цицерона, ценность человека определяется у нас скорее "слабостью других", нежели его "собственной силою". Да если бы и выпали мне на долю обильно те качества, о которых ты говоришь, чем же они так пышно украсили бы меня, чтобы я мог возгордиться? Я слишком хорошо знаю себя и не так легкомыслен, чтобы этот соблазн мог волновать меня. Ибо сколь малую пользу принесли мне и талант, и знания, и красноречие, раз они ничем не облегчили недугов, терзающих мою душу, на что, помнится, я обстоятельно жаловался в одном письме! А уж что ты как будто серьезно говорил о моих телесных преимуществах, это едва не вызвало у меня смеха. Я ли полагал свою надежду на это смертное и брэнное жалкое тело, когда я изо дня в день ощущаю его разрушение? Избави Бог. В юности, признаюсь, я заботился о своей прическе и об украшении своего лица; но вместе с ранними годами эта забота исчезла, и теперь я по опыту знаю, что прав император Домициан, который, говоря о самом себе в письме к другу и жалуясь на чрезвычайную скоротечность телесной красоты, писал: "Знай, что ничего нет приятнее красоты и ничего кратковременнее".

Августин

Я мог бы многое возразить на это, но предпочитаю, чтобы тебя пристыдила не моя речь, а твоя совесть. Я не буду действовать упорно и пытку исторгать у тебя слова, но подобно великодушным мстителям удовольствуюсь простым соглашением, а именно попрошу тебя, чтобы ты впредь всеми силами устранял от себя то, чего, по твоим словам, ты избегал донныне; а если когда-нибудь красота лица начнет соблазнять твою душу, – подумай, какой вид примут вскоре твои члены, которые теперь тебе нравятся, как гадки и отвратительны они будут и сколь ужасными показались бы тебе самому, если бы ты мог тогда их видеть, и часто повторяй себе известные слова философа: "Я рожден для высшего назначения, а не для того, чтобы быть рабом своего тела". Ибо поистине нет большего безумия, как то, что люди, не радея о самих себе, холят члены обитаемого ими тела. Если бы кто-нибудь был на краткое время ввергнут в темную, сырую и зловонную темницу, не стал ли бы он, пока рассудок в нем цел, остерегаться, насколько возможно, всякого соприкосновения со стенами и полом и, ежеминутно готовый к выходу, следить чутким ухом приближение своего освободителя? А если бы он оставил эти предосторожности и, весь обмазанный ужасной грязью темницы, со страхом думал бы о выходе; если бы он усердно и заботливо разрисовывал и украшал его стены, тщетно стараясь преобразить естественный вид мокрой от сырости кельи, – не должно ли бы по справедливости признать его безумным и жалким? Так и вы, несчастные, знаете и любите вашу темницу и прилепляетесь к ней, хотя вас скоро выведут или, вернее, выволокут из нее, и силитесь изукрасить ее, тогда как вам следовало бы ее ненавидеть, как ты сам в твоей «Африке» вложил в уста отцу Великого Сципиона эти слова:

Путы мы ненавидим, и внешние цепи страшны нам;

То же, что ныне мы любим – тягчайшие узы свободы.

Прекрасное изречение, только бы ты сам сказал себе то, что заставляешь говорить других. Не могу скрыть, что одно слово, которое ты, может быть, считаешь самым скромным во всей своей речи, мне кажется наиболее дерзким.

Франциск

Жалею, если сказал что-нибудь надменное, но если деяниям и речам дает меру душа, беру